

II.

За окном моей каюты
Волга, берег, синий свод.
На песке стоят разуты
Рыбаки у желтых вод.

Солнце в волны разом хлынет—
Ослепит огнем река.
Удку верно порекишет
Загорелая река.

Врезав нос в песка полосу,
Ждет намоченный баркас,
Как рыбак, взяв в руки доску,
В волны кинет зоркий глаз.

А у щупальской хатенки,
Упная ребятё,
Баба вешает пеленки...
Эх, рыбацкое житье!

Ал. Святогор.

УЧИТЕЛЬ СОЗНАНИЯ (ЛЕВ ТОЛСТОЙ).

I.

В «Дневнике» Льва Толстого встречаются нас истины мудрости; многое из того, что им сказано, сказано над-индивидуальным сознанием, называемым в терминах философии Индии **Манас**, который есть «Я». Но «Я» — дух.

Появление в истории «Я» проблемы рисуется в великопейшем образе Кришны ученику пути Йога, Арджуне. Арджуна среди поля брани горюет: **«Лучше питаться подающим... чем убивать... И не ведаем, что лучше... быть побежденным или победить»** (Вхагавот-Гита). И Кришну ему отвечает: **«Человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается и не умирает. Взирай лишь на дело, а не на плоды его... Отдайся Йоге; Йога есть искусство в действиях»** (idem). Путь этих действий ведет к отрешению от действий бесцельных; Йога — учение о выдействии в действиях, о покое в борьбе.

На вопрос Арджуны, как выйти из войны, указывает Кришну наука: то — Йога. Не внешний отказ рекомендует она, а особые действия пресуществления борьбы; очищение **действием** действий есть йога. «Пусть Иог... упражняется в йоге... его не потрясет даже самое тяжелое горе» (idem).

В чем йога? В умении подчинить себя вышему «Я». И кто Кришну? Он — «Я», ра-

зорвавшее личность Арджуны, личинку; он есть «Я» Арджуны, космическое сознание его: **«Я есть источник возникновенья вселенной»**. Люди суть пальцы одного организма, укрывающиеся друг от друга перчаткой, падетой на щих, где перчатка суть керосты чувственной, личной жизни.

Как сбросить ее?

«Замкнув все врата, разум заключив в сердце, сосредоточив жизненное дыхание в голове... Кто покидает свое тело, повторяя... Дум, думая обо Мне, тот достигает» (idem беседа восьмая).

В йоге—две стороны: 1) погружение в сердце ума, 2) оживление сознания; путь погруженья ума—есть путь мистиков; путь оживления сознания—гнозис; два делания сочетаются йогою: деланье головное (или умственность) с деланьем сердечным. История самосознания человечества есть рассказ о двух путях: о мистическом странствии и о гностическом странствии человека в эпохах; но оба пути — лишь перчатки, которые надо надеть и снять; лишь в йоге становимся мы перед «Я», отрешенным от коростов чувственных и по ставшим—рассудочным «Я», или абстрактным «суб'ектом познания» философов нового времени. «Я»—имя Бога: «Я»—высшее; но это «Я», в нас рождаясь, является нам, как «Он» в нас: «Отче Наш!» После «Он» открывается в нас, как «Я» подлинное в «Я» неподлинном; и о том гласит Кришну: **«Чувства велики»; выше чувств—ум; выше ума—чистый разум; выше чистого разума — Он»** (Idem).

«Я»—импульс Любви; «Я» не то, что глядит на объекты лежащего мира, а то, что связует объекты с суб'ектом и делает: «Я—это Ты».

Йога это вскрывает конкретно: вот путь обретения покоя в борьбе, разрешение проблемы, поставленной среди брани Арджуной.

2.

Толстой есть предтеча грядущей Любви; «Он», или Голос, читающий знаки судьбы человека, уже раздавался в нем явственно; голос тот—Манас; «Он»—демон Толстого, подобный Сократову демону; и «Он»—больше; «Он»—громче; звучащей, повелительной «Он» произнес из Толстого Толстым свое слово: и «Им» стал писатель Толстой нашим новым учителем. В «Дневнике» Лев Толстой называет «Его» то «Отцом», то «Хозяином».

Манас—орел, распростертый над личным сознанием нашим, как Знание о сознании мировом; два крыла Его есть две стороны Разума: 1) сторона «облочная» в ясность дневного сознания рассудить и 2) сторона над-рассудочная, без'ясная, не открытая в слове; мы знаем: об этой последней гласит философия Владимира Соловьева рассудочно; и молчат бессловесно великие посвященные в Манас. И тот, и другие являют Орла однокрылым; Орел—не взвивается явно для всех. Он взвивается явно в Толстом.

Этот ведает соединение Манаса с Жизнью; его сознание «О жизни» есть верх опрозраченной ясности в разоблачении Манаса древней воны; здесь ясная мысль черкается образом мудрости без рассудочной ряби на ней; в Соловьеве еще много ряби; и он непонятен народу; понятен—Толстой; и поэтому может во внешнем слове свое он вложить углубляющий смысл: его мысль уж не зеркало отражения Фетов в воде мысли, а самая глубина опрозраченных вод, выявление жизни воды с ее «рыбами-мыслями»; можно закинуть в Толстого наш повод, и вытащить «рыб», и поковыряв «плетень» все «жизни» отраженном берегу на воде, отраженном даже небес «философии Соловьева не пишется в жизни; все «рыбы» Л. Толстого суть новые смыслы рассудочных смыслов; до беззвония Манаса в ясных, мужьянских словах Соловьева не высказался; и стал философом только; Толстой стал учителем.

Лев Толстой заключает Сократа в себе; заключает в себе и Силена (Грохочущий хаос таинственной, дневной жары; но «Силена», обитающий в мире Толстого, вступает в борьбу с восстающим «Сократом»; в себе втыкается тот, кого злит уже мнр. как художника, на другого, который «и подл, и тщеславен»: «Стал думать о себе, о своих обидках... И опомнился.. И хорошо стало.. стало быть есть тот, которому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувствительный Лев Николаевич»¹⁾.

Подлинно жалкий Сократ в Толстом пробывает Деметрия «Фарисей «Разум., эрудиде для познания «поверка, практика». 3.

Мы «знаем» я что, таким, какое оно есть... «Что же?»—«То, что познаем. Оно именно такое, каким мы его знаем»²⁾. Но познанию выдвигает Толстой цель познания; по-

знание без цели—безумие, как бы не было логично оно: «Разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои суждения по порядку их важности»⁴⁾. Рассуждение, не связанное с общей целью... безумно, как бы не было оно логично»⁵⁾. Отсутствие цели в распределении понятий и создает все безумие абстрактных выводов наших о том, что есть жизнь: «Не то, что мы называем наукой определит жизнь, а наша понятие о жизни определит то, что следует признать наукой»⁶⁾. «Должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука»⁷⁾. Говорят.. наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа—и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны.. нужнее»⁸⁾. «Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем»—этот тезис Конфуция выдвигает Толстой поустанно.

Чудесно открывает Толстой в своей книге «О знании» весь ряд совершаемых нами смелых в определении жизни при помощи разных служебных и живот же подчиненных абстракций; высказывает, что жизнь начинается там, где — сознание; ясно и сознание есть то же; родится же в жизни лишь тогда, когда мы познаем в себе нечто сознание, а не когда безсознательно мы познаем на свет; полагать тайна на свет не есть жизнь (жизнь-сознание); «объяснить» это. Урадованию голоса «объяснения» жизни уразумения «Манаса». «У меня были времена, когда чувствовал, что становился проводником воли Божьей... Истина проходила через меня. Дай Бог, чтобы прохождение их (истин) через меня не осквернило моих истин»⁹⁾.

Крикнув у себя «Я — Миров; из всех сущности Я — Миров». Полагая действительно в нас это—Миров. Толстой утверждает, что даже если бы сознание, или существование он вымышлял в своем сознании уединенно Квинту. То он признавал след стремление к конкретней, практической мудрости; эту науку практической мудрости он признает духовной наукой, ищет следов ее в истинах мудрости

4) 10 жизни.

5) Idem.

6) Idem.

7) Idem.

8) Idem. Стр. 231

1) Дневник 7

2) Idem.

3) Idem.

у всех веков и народов: «Суеверий тысяча, а не вер; учений же вер... нет и десяти и все они сводятся к одной и той же вере, только иначе высказываемой»⁹⁾. «Религия есть сознание тех истин, которые... понятны... и несомненны как $2 \times 2 = 4$. Дело религии... выражение этих истин»¹⁰⁾. Путь выражения—деланье: йога: «Когда истина... выражена, она... меняет жизнь»¹¹⁾. Манас в нас прорезается в праксе мира сознания; всякая философия—практика; искусство йога глядит точно так же; познание наше погнано. Толстой говорит: «Материалисты... не знают, что сделали в критике познания идусы»¹²⁾.

3.

Йога — ученье для избранных и немногих; Толстой открывает проводники жизни для всех; отныне, с Толстого, путь—жизнь всемирное дело, «мушкетер» дело. Он—влияние Маласа, бывшего лишь эскизом немногих когда то; по влиянию Маласа жизнь идет: важно человечество в возрании, когда ему Манас откроется так и жизнь ныне открывает законы рассудка для каждого, что означает свободу: она—всем доступна.

Толстой—авторитет доступный всем Мудрости: он—открытие искусства культуры. Восставши, возил Лев Толстой перед всею Россией в старинном платье восточного света; уход Льва Толстого вперед из уже обветшавшей культуры, потому и поэтому, вызвал смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ.

Бессмертие и близость.

Итак Лев Толстой был более много, чем думают. Связь все человечества летела достойно Его.

Андрей Белый.

О ДОГМАТАХ И ЕРЕСЯХ В ИСКУССТВЕ.

I.

Когда какая-нибудь художественная школа укрепила в своей идеологии настолько, что все ее адепты без колебаний, в один голос, дают однообразный ответ на любой из поставленных им теоретических вопросов: когда нет в художественном сознании противников этой школы никаких сомнений; когда они при-

шли в состояние художественного равновесия и успокоенности; когда все для них ясно, все решено и все формулировано; когда идеология их закреплена в ряде непререкаемых тезисов; когда тезисы эти высечены на скрижалях школы,—тогда школа уже мертва. Оговариваюсь: мертва—как выразитель определенной идеологии; ибо все же не следует забывать, что смерть школы не всегда совпадает со смертью ее творений. Итак, кристаллизация идеологии в некий **непреложный** догмат тлетворна для всякой художественной школы.

Почему?

Я не сторонник огульного применения в области искусства категорий буржуазности и социальности. Измерение искусства аршинами мещанским и не мещанским мне непонятно уже потому, что то искусство, к которому приложим мещанский аршин—уже не искусство. Я думал, что одна только мера к искусству и приложима—мера большой или меньшей его революционности, живущей в протестующем духе человеческом, — в той творческой энергии, которой озарено бывает всякое подлинное произведение искусства.

И все-таки, однако, несмотря на то, что мещанского искусства нет,—говорить о мещанском начале в искусстве приходится часто. Это мещанское начало заставляет о себе вспоминать в тех случаях, когда мы видим как постепенно заостевает некогда живое и гибкое тело художественной школы. И мы знаем причину остошения и омертвения: она в типичной для мещанского мирозерцания успокоенности и самодовольстве. Причина тления — не в данном мирозерцании (ибо всякое искреннее художественное мирозерцание приемлемо в искусстве), а в том, что это мирозерцание установлено **впредь навсегда**. Причина разложения не в том, что школа исповедует свои догматы, а в том, что догматы эти непререкаемы и к исполнению **обязательны**. Причина гибели не в скрижалях (пусть себе стоят), а в том, что заветы на них высечены без орфографических ошибок. Причина смерти в обязательности, в неизбежности в **нормативности** заветов. А также и в том, что на солнце этих заветов нет пятен.

Если такая безупречность эстетических догматов школы исповедуется не только ее приверженцами, но и признается большой публикой, тогда смерть школы, как выразитель-

⁹⁾ Сочинения XV том «О верах» 339.

¹⁰⁾ XV том: «О религии».

¹¹⁾ Idem.

¹²⁾ «Дневник» I, 53.